

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сейчас, в дни двадцатилетия победы над фашистской Германией, хочется рассказать о самых ярких, но и самых трагических страницах его биографии, биографии славного сына армянского народа, командира 113-й стрелковой дивизии, генерал-майора Христофора Николаевича Алавердяна.

ЛЕТОМ 1941 года дивизия Христофора Алавердяна дислоцировалась в пограничном районе Белоруссии, недалеко от города Бреста. Мирные дни. Военная и политическая учеба солдат и офицеров, иногда маневры, вечера с баяном в красном уголке, увлечение в город...

Ночь на 22 июня. Гитлер, сосредоточив на советской границе все свои основные силы, совершает вероломное нападение на страну социализма. Тяжело пришлось советским войскам, расположенным в пограничных районах. На них неожиданно обрушился шквал огня с земли и воздуха — стреляла артиллерия, бомбили самолеты, наступали танки. Дивизия Христофора Алавердяна приняла на себя первый удар, завязала героический бой с превосходящим по численности и технике противником.

Шло кровопролитное сражение. Горели дома, горели леса, горела земля. Христофор Алавердян отбивает атаки, руководит отходом дивизии...

Но ряды ее все редели. Вот уже не наберется и одного полка. Нужно отступить, постараться не попасть в окружение!

Не удалось... С двух сторон прорвались вперед немецкие части, замкнули огненное кольцо...

Это было на восемнадцатый день войны. Положение стало еще более тяжелым. Уже не было продовольствия, кончились боеприпасы. Христофор Алавердян еще раз попытается пробиться из окружения.

И вдруг... Резкая боль в области желудка. Кровь. «Пулевое!» — промелькнуло в голове. Боль быстро стала усиливаться. Перед глазами пошли круги. Затуманилось сознание...

Очнулся через несколько часов. Вокруг стоит группа немецких офицеров. Первый порыв: вскочить, схватиться за оружие. Но опять резкая боль, провал в сознании...

Потом ошутанные колючей проволокой товарные вагоны. Идут на запад. Идут и идут...

И вот Христофор Алавердян — узник Гаммельбургского лагеря. Лагерь? Нет, это не лагерь, это тюрьма. Врачные кордуса, среди

которых лазарет. Там и лежит Христофор Алавердян. Ранение тяжелое. Только такой крепкий организм мог бороться. Тем более, что гитлеровцы, попирая все международные законы, издеваются, зверствуют.

Однажды на освобожденную соседнюю койку уложили нового пленного. Раненого. Рука и нога в бинтах. Присмотрелся. Неужели?.. Ошибки не может быть — Иван Никитин, старый друг, командир 6-го кавалерийского корпуса.

Никитин тоже узнал Алавердяна. Обрадовался. Разговорились. Иван Никитин попал в такое же положение: окружение, ранение, плен... Двух-трех слов намеком, двух-трех выразительных взглядов было достаточно, чтоб друзья поняли друг друга: борьба не кончилась, а пока нужно выздороветь...

Несколько месяцев пролежал Христофор Алавердян в лазарете. Победил организм, победила огромная сила воли.

В одном из корпусов второй этаж выделен для плененных офицеров Советской Армии. Сыро и холодно. Прогулка в день по полчаса. Питание — 150 граммов хлеба, раз в сутки бривенный суп без мяса. Хозяйничают гестаповцы. Их наказание — избивать пленников по любому поводу или даже без повода. Если захотелось кого-нибудь застрелить, можно. Никто обвинять не будет.

Живая, энергичная натура Алавердяна не хочет мириться со всем этим. Он и Иван Никитин отстаивают права военнопленных. В ответ — новые побои. В глазах администрации лагеря они самые главные бунтари. Что бы ни случилось, виноваты они, и их наказывают...

Что делать? Как быть? Так продолжаться не может!.. Решение нашлось само. Нужно сплотиться. Нужна дисциплина. Нужно иметь свою организацию. У них у обоих есть опыт дореволюционной подпольной работы. Не их учить конспирации. Каждый рядовой член организации может знать лишь двух-трех других. В случае провала, предательства или малодушия — остальные будут спасены, организация не погибнет, продолжит работу.

И организация родилась...

ЛЮДИ не одинаковы. Жестоким режим лагеря доводил некоторых до физической и моральной протрации. До потери веры в себя и в других, до равнодушия и безразличия ко всему. В такой момент рядом оказывался кто-нибудь

из товарищей по лагерю. Беседовал, рассказывал о победах Советской Армии на фронтах, вселял веру в будущее. Это помогало. Человек выздоравливал. И не всегда он знал, что его «лечение» проводилось по заданию существующей в лагере подпольной организации.

Или протесты, саботаж, стычки с администрацией лагеря. Если раньше Христофор Алавердян шел на это стихийно, благодаря своей решительности, смелости, кипучести, то теперь все проходило организованное, продумывалось заранее. Выбирались такие формы и методы, которые способны были нанести более сильный удар, при меньших жертвах, потерях.

Организация все крепла. От устной пропаганды удалось перейти к письменной. Даже при таком нечеловечном режиме появились воззвания и прокламации.

В другом конце лагеря находились корпуса с французскими и итальянскими военнопленными. Положение их несколько привилегированнее. И питание лучше. Наладили с ними связь. Французы и итальянцы стали кое-чем помогать — медикаментами для больных, пищей для наиболее истощенных от голода.

Хотелось установить контакт и с самими немцами. Должны же быть среди них коммунисты! Не могут же быть!.. По глазам не узнаешь. Требовалась огромная осторожность, выдержка, терпение. Наконец удалось и это. Чем же можно помочь? Примите и запишите сводку Совинформбюро!..

И вот драгоценный листок с текстом сводки Совинформбюро в руках членов комитета подпольной организации. В ней говорится о разгроме немецких войск под Москвой. Быстро, из уст в уста, передавался текст сводки по камерам. Это был самый светлый день за последние полгода.

Режим в лагере не для всех одинаковый. Некоторых, кажущихся наиболее смиренными, немцы выводили на работы: в цеха близлежащих заводов, на погрузку и разгрузку железнодорожных вагонов. В их число удалось попасть некоторым членам подпольной организации. На стенах заводов и фабрик стали появляться антифашистские листовки. Участились случаи поломки механизмов, брака.

Гестаповцы догадывались о существовании какого-то центра, организации, но раскрыть ее им не удавалось. Кое-кого подозревали. Ивана Никитина, Христофора Алавердяна и некоторых других чуть ли не каждый день вызывали на допросы, пытали по несколько часов. Стойко держался Христофор Алавердян. Ни слова признания, ни шагу назад от своих твердых позиций, которые воспитывались в рядах Коммунистической партии с 1917 года...

И вдруг администрация лагеря резко изменила свое отношение к Алавердяну.

Вскоре все стало ясно. Дашнакские лидеры, переехав из Парижа в Берлин и переметнувшись на сторону гитлеровцев, стали сколачивать для них «армянский легион». Дело шло туго. Было решено начать вербовку среди попавших в плен на советском фронте армян. Главное — завербовать такого военачальника, как Алавердян, кото-

рый пользуется огромным авторитетом.

Начались переговоры с ним... И сразу же не только категорический отказ, но и обратная реакция. Христофор Алавердян стал проводить широкую работу среди своих соотечественников, в результате чего вербовка в «армянский легион» сорвалась.

Еще длительное стали допросы еще более жестокими пытки...

Наступил февраль 1942 года. Приближалось 23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

— Отметим, — решил комитет подпольной организации. Договорились полученные утром 150 граммов хлеба не есть, оставить на вечер, когда будет отмечаться праздник. Все согласилось, но...

Кто-то предал. В камеры вошли эсэсовцы во главе с гестаповскими офицерами. Обыск. Собраны все куски черного хлеба. 112 узников выстроены и без теплой одежды, в открытой обуви на деревянных подошвах выведены на мороз. Их отвели в кузнечную мастерскую, закрыли. Двое суток без пищи и воды. Двое суток полуголые в холодном помещении с цементным полом... Отметить годовщину не удалось.

Через месяц, ранним утром всех узников вывели во двор, выстроили, окружили эсэсовскими солдатами и офицерами. «Руки вверх!» — раздалась команда. С садистской улыбкой на лицах расхаживали солдаты, наблюдая за узниками. Достаточно было кому-нибудь чуть опустить руки, как на него тут же обрушивался удар резиновой дубинкой.

Час, второй, третий... Среди узников был и пламенный патриот нашей Родины Дмитрий Михайлович Карбышев. Четвертый час, пятый, шестой... Истощенный голодом, замученный побоями, уже не молодой, он упал. Эсэсовцы бросились на него, стали зверски избивать дубинками.

Сдержанным человеком был Христофор Алавердян, но, видя эту бесчеловечную картину, не устоял, вырвался вперед. Удар тяжелой руки пришелся между глаз палача, свалил его с ног. Все произошло настолько молниеносно, что в первый момент никто не понял, в чем дело. Но когда эсэсовцы очухались...

Пятнадцать... двадцать минут длилось избивание Христофора Алавердяна... Полумертвым унесли его...

Вечером увели и Ивана Никитина. Заковав в цепи обоих, отвезли в Нюрнбергскую гестаповскую тюрьму.

Пытки, пытки, пытки... В апреле 1942 года оборвалась жизнь двух героев — Ивана Никитина и Христофора Алавердяна.

...Христофор Николаевич Алавердян погиб в плену. Ему не довелось участвовать в победных сражениях Советской Армии, не довелось увидеть разгрома гитлеровской Германии и окончания войны. Но до последнего своего дыхания он оставался верен Коммунистической партии, народу, Родине, продолжал бороться, даже находясь в лапах гестаповских варваров. И умер героем.

Юрий МАРЯН.